

Эта строчка из припева песни, мелодия очень запоминающаяся. Гу Е, взглянув на текст, смутно припомнил её. Он глубоко вдохнул, чтобы успокоиться, и тихо запел перед зеркалом:

— Птицы умеют летать, семена вырастают в деревья, а у меня храброе сердце.

Свет над головой тут же быстро моргнул дважды, из туалета донёлся слабый звук. Гу Е напрягся, пытаясь разобрать — звук шёл из зеркала. Это был голос мальчика, очень тихий, прерывистый, казалось, вот-вот оборвётся:

— Птицы умеют летать, семена вырастают в деревья, а у меня храброе сердце.

Чем больше Гу Е слушал, тем сильнее ему казалось, что голос знаком, но вспомнить, где он его слышал, никак не мог. От этой мысли по спине пробежал холодок.

Пока он прислушивался, мужской голос замолк. Гу Е понял, что звук появляется только тогда, когда поёт он сам. Пришлось собраться с духом и продолжить:

— Птицы умеют летать, семена вырастают в деревья, а у меня храброе сердце, храброе сердце...

На третьем повторе свет над головой внезапно погас полностью, и туалет погрузился в темноту. В глазах у Гу Е потемнело. Он на ощупь стал определять своё местоположение. В зеркале мелькал смутный силуэт, неясный, невозможно было разобрать, свой это или чужой. В верхней части стены туалета было окно, за окном зажёгся уличный фонарь, его свет упал на зеркало, словно свеча, тускло освещая лицо.

В зеркале было его лицо.

Гу Е с облегчением выдохнул. Однако лицо, которое он видел бесчисленное количество раз, вдруг начало меняться, постепенно становясь чужим. Он попытался моргнуть, но человек в зеркале не двигался. Сердце Гу Е заколотилось, руки похолодели, ему захотелось развернуться и бежать, но ноги будто приросли к полу, скованные оцепенением. Заставив себя смотреть на человека в зеркале, он увидел, как незнакомое лицо мало-помалу становится знакомым.

У того была бледная кожа, светлые брови, скрытые густой чёлкой. Глаза короткие, овальные, как у оленёнка, под ними — тёмные круги. Затем глаза начали краснеть: сначала белки, потом зрачки, и наконец из глазниц сочилась алая жидкость, стекая по щекам.

Гу Е остолбенел. Это был Цянь Фэй.

Цянь Фэй, плача кровавыми слезами, шевелил губами, его голос дрожал, и он снова и снова тихо пел в зеркале:

— Птицы умеют летать, семена вырастают в деревья, а у меня храброе сердце.

Эта песня, которая должна была вдохновлять и придавать сил, звучала как отчаянная мольба, мольба к небу дать ему храброе сердце, мужество жить дальше.

Гу Е замер на месте. В следующее мгновение свет над головой снова зажёгся, и в туалете воцарилась прежняя тишина.

Гу Е провёл рукой по лбу — он был весь в холодном поту. Он вышел за дверь. Сяо Дин ждал его снаружи:

— Что с твоим лицом? Ты что-то увидел?

Все смотрели на него, но он ещё не успел привести мысли в порядок, поэтому решил пока промолчать, покачав головой:

— Нет, просто сам себя напугал.

Е Тянь и Тань Линь по очереди заходили в туалет, но оба вернулись ни с чем. Сунь Юэ и Су Фэй не заходили.

Гу Е и остальные вернулись в общежитие. Это приключение всех изрядно вымотало, посмотрели на время — уже за девять, стали готовиться ко сну.

Цянь Фэй чистил зубы в туалете. Гу Е включил настольную лампу и уставился в учебник по биологии. Трусом он не был, если боялся, то старался взять себя в руки, давая рассудку взять верх. Он чётко понимал, что это всего лишь сцена в игре. Выпив несколько глотков воды, он перестал дрожать.

Гу Е начал обдумывать события последних дней. Первой ночью в шкафу медпункта он нашёл плакат забытого певца. На следующее утро они получили информацию о смерти из-за ранней влюблённости и о способе смерти — падении с крыши. Сегодня вечером он увидел в зеркале, как у Цянь Фэя из глаз течёт кровь. Эти события казались совершенно не связанными, независимыми друг от друга, не было никакой нити, которая могла бы их соединить. Гу Е был в тупике, мысли снова зашли в мёртвую точку.

Сяо Дин на верхней койке перевернулся, свесился с края и посмотрел, чем занят Гу Е. Увидев, что тот читает учебник, спросил:

— Что читаешь?

Гу Е потер переносицу:

— Ничего особенного, просто учебник по биологии под руку попал.

Перед ним была схема анатомии человеческого мозга с обозначениями: кора больших полушарий, гипоталамус, передний и задний мозг, миндалевидное тело и так далее. Рядом был пояснительный текст: миндалевидное тело отвечает за эмоциональные функции организма; когда человек печален или ему клинически диагностирована депрессия, активность миндалевидного тела повышается.

— Биология, — сказал Сяо Дин. — Какой же ты старательный, даже в такое время учишься. Последний, кого я знал таким же, уже попал в больницу.

— В больницу? — переспросил Гу Е. — В тюрьму?

— Нет, — ответил Сяо Дин. — В психиатрическую лечебницу. Сяо Си, помнишь его?

Гу Е смутно припомнил. На первом курсе в их группе был очень замкнутый однокурсник, почти не разговаривал, на приветствия не отвечал, на пары не ходил, сидел в общежитии и занимался самостоятельно, поэтому на экзаменах результаты были не очень. Потом он начал по ночам что-то крушить. Все говорили, что у него из-за стресса проблемы с психикой.

— Что с ним тогда случилось? — спросил Гу Е.

— Не знаю точно, — сказал Сяо Дин. — Только слышал пару фраз, когда отнёс материалы куратору. Говорили, в его школе в старших классах было очень строго: «Учись, пока не умрёшь, учись до смерти». Учился он хорошо, но на выпускных экзаменах провалился, в Цинхуа или Пекинский университет не поступил, попал к нам. Наверное, не пережил удара, у нас в университете всё никак не мог успокоиться, ночами не спал, требовал отчислиться. Но семья у него была обычная, не хотели, чтобы он рано пошёл работать, не разрешили пересдавать экзамены. Так мучился почти целый семестр, в итоге всё равно ушёл, потому что чуть не случилось беды — попытка самоубийства. Не знаю, как он сейчас, дело-то двухгодичной давности.

Сказав это, Сяо Дин вздохнул:

— Не поступил в Цинхуа — и сразу жизнь кончать? А я? Я же последний в списках, что, мне надо было сразу с крыши прыгнуть? Но ведь я же в порядке.

Гу Е покачал головой:

— Это не одно и то же. Верблюда ломает не одна соломинка.

— Это да, — согласился Сяо Дин. — Депрессия — дело такое, даже врачи ещё до конца не разобрались, кто ж её знает?

Он замолчал, потом вдруг спросил:

— Ты что-то придумал?

— Нет, — ответил Гу Е. — Просто в голове каша.

Строка из учебника по биологии снова бросилась ему в глаза: «Миндалевидное тело отвечает за эмоциональные функции организма; когда человек печален или ему клинически диагностирована депрессия, активность миндалевидного тела повышается». Патологические изменения в мозге могут вызывать у человека печаль и депрессию, а длительное подавленное настроение, в свою очередь, тоже может наносить вред мозгу, поэтому причины возникновения депрессии до сих пор остаются предметом споров.

Люди, у которых нет депрессии, часто не понимают страданий тех, кто с ней столкнулся. Они от природы жизнерадостны и оптимистичны, думают, что все такие же, и потому часто относятся к депрессивным пациентам с осуждением: «Почему ты не радуешься? Возьми себя в руки, радуйся! Жизнь так прекрасна». Однако не у каждого жизнь светлая и прекрасная. Подобные действия всё равно что ругать человека со сломанной ногой: «Почему ты не бежишь быстрее? Ты слишком не стараешься».

Гу Е постучал в дверь туалета:

— Цянь Фэй, ты закончил?

Цянь Фэй, с пеной во рту, отозвался:

— Да, я как раз зубы чищу. Гу Е, хочешь зайти?

— Можно? — спросил Гу Е.

— Конечно, — Цянь Фэй открыл дверь туалета. На нём была белая футболка и клетчатые

шорты, он стоял у раковины с зубной щёткой.

Гу Е взял свою щётку, мельком взглянул на отражение в зеркале. Отражение Цянь Фэй вызвало у него содрогание. Он взял себя в руки и спокойным тоном сказал:

— Боялся, что тебе одному в туалете страшно.

Цянь Фэй слабо улыбнулся:

— Сейчас уже не страшно.

Гу Е почистил зубы, сплюнул пену и спросил:

— Ты умеешь петь?

Цянь Фэй замер на мгновение, с трудом выдавив улыбку:

— Плохо получается, почти не пою. А ты зачем спрашиваешь? Хочешь песню послушать?

— Да как-то, — сказал Гу Е. — Вечером скучно.

<http://bllate.org/book/16193/1453009>